

от легкого к трудному». В-пятых, она доступна всем. В-шестых, она соборна «с детским состоянием и детским умом», ибо чертить, считать и петь — занятия принципиально математические. В-седьмых, поскольку математика известна нам вне природы, опираясь на нее, можно двинуться дальше — к познанию природного. В-восьмых, математика дает достоверное знание, с помощью которого только и может быть достигнута безупречная истина (с. 866—869).

Все это также чрезвычайно «современно», если бы не одно обстоятельство. Математика, по Бэкону, предстает не плодом конструктивного ума. Напротив, она врожденная, богом данная наука. Это не просто математика, но «благодетельная математика». Вместе с тем строчкою выше Бэкон как бы перечеркивает бесплотный характер этой науки, утверждая то обстоятельство, что именно в математике «имеют для всего чувственный пример и чувственный опыт, строя чертеж или исчисляя, чтобы все было очевидно для ощущения» (с. 869). Чувственная очевидность. Только она — возвышающее основание мощи математики, ибо «духовные вещи познаются через телесные следствия и творец — через творение» (там же).

Акцент на предмет — очень важное обстоятельство. Настолько важное, что можно и позабыть о вещах духовных, растворенных в их телесных следствиях. Можно забыть и о творце, потерявшемся в творении. Ибо именно телесное настойчиво подчеркивает Бэкон.

Чувственная природа математики, им же законоположенная, дает Бэкону разумные основания осмыслить ее как ключ познания исходя из самой же математики. Выдвигаются доводы, доставляемые самим ее предметом. Во-первых, людям, как считает Бэкон, «прирожден способ познания от ощущения к уму, так что, если нет ощущений, нет и науки, основывающейся на них, как сказано в первой книге «Второй аналитики», ибо человеческий ум продвигается вслед за ощущением» (с. 871). Количество же как принципиально математическая вещь именно ощущением, по Бэкону, и постигается. Во-вторых, «сам акт мышления не совершается без непрерывного количества... Поэтому количества и тела мы постигаем созерцанием ума, ибо их виды находятся в уме» (там же). Бестелесное постигается труднее как раз из-за того, что именно телесное занимает весь наш ум (там же). Итак, созерцание (*admiratio*) и отражение.

Далее следует оптика Оксфордца, вторая наука бэконовского *trivium'a*. За нею — наука «опытная». Здесь я отсылаю читателя к анализу «опытной науки», представленному в шестой главе моего сочинения. Замечу: то, что может быть принято во «внешнем опыте» Бэкона за индуктивизм новой науки, а также за отчаянно смелые «предвосхищения» будущих технических свершений, оправдано высоким, специфически средневековым предназначением: «...для божьей церкви в ее борьбе против врагов веры, которых скорее следует одолеть усилиями мудрости, чем военными орудиями, каковыми обильно и с успехом пользуется антихрист...» (с. 877).